

16409

1822, 1

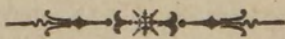
Handwritten text, possibly a signature or name, written in cursive script.

1891

III.

Она была, весна-невеста!
Теперь она идетъ опять,
Чтобы покинутое мѣсто
Среди людей, какъ встарь, занять.
Она идетъ съ надеждой новой
Въ неровно-дышащей груди,
Блистая пышною обновой,
Цвѣты рождая на пути,—
Какъ прежде, вѣрить не желая,
Чтобъ люди кинуть не могли
Своихъ заботъ для звуковъ мая;
Чтобъ, оторвавшись отъ земли,
Въ міръ свѣтлыхъ грезъ, къ преддверью рая,
Мечтой послушной не пошли!

Г. Арищенко.

16409

12

20867

19442.

Дукласов А.

КЪ „ДОНСКОМУ ВОПРОСУ“

I.

Въ войскѣ Донскомъ теперь возникли и обсуждаются важные вопросы, касающіеся не только внутренняго состоянія этого края, но и соотношенія мѣстныхъ особенностей его съ общегосударственными потребностями. Вопросы эти выдвинуты самою жизнью донцовъ и могутъ имѣть значеніе и вообще для всего казачества. Повидимому это явленіе русской жизни, въ развитіи своемъ, далеко до поворотнаго пункта и стоитъ предъ вопросомъ: можетъ ли оно существовать и долѣе въ такомъ же видѣ безъ вреда для себя и для общегосударственныхъ интересовъ и если нѣтъ, то что и какъ слѣдуетъ сдѣлать?

Для уясненія всего этого, необходимо оглянуться назадъ и посмотрѣть, какія жизненныя условія создали казачество, въ какой обстановкѣ оно жило въ своемъ первоначальномъ видѣ и каковы особенности, присущія ему. Тогда легче будетъ разобраться и въ вопросѣ, соответствуетъ ли казачество современнымъ условіямъ жизни и какъ ихъ согласовать. Мы попытаемся изложить это въ краткомъ историческомъ очеркѣ, останавливаясь главнымъ образомъ на общихъ данныхъ, выясненныхъ изслѣдователями нашей исторіи.

II.

Время возникновенія казачества на Руси въ точности неизвѣстно, но когда ставится вопросъ объ этомъ, то слѣдуетъ различать названіе отъ того явленія, которое имъ обозначается. Есть мнѣніе, что предшественниками казачества «можно считать древнерусскія вольныя дружины бродниковъ». (Иловайскій, «Ист. Россіи», т. 3, 380), существовавшія еще до татарскаго нашествія. И, въ соответствіи съ этимъ, историческіе памятники не приурочиваютъ названія: «казакъ» къ какому либо опредѣленному государству, народу или группѣ народа. Наряду съ русскими, т. е. великороссійскими и малороссійскими казаками упоминаются казаки крымскіе (татары), азовскіе (турки), съ ихъ атаманами. Одинъ ногайскій князь, прося русскаго государя о принятіи его и подчиненныхъ ему ногаевъ въ подданство, высказывалъ, что они будутъ казаками государя. Казаки

были и у монголовъ, покорившихъ Россію. Но есть два условія, которыя сопровождаютъ, какъ необходимые спутники, понятіе казачества во всѣхъ случаяхъ: это, во-1-хъ, что казакъ есть *воинъ*. Казакъ для мирныхъ занятій—такое сочетаніе понятій, во время образованія казачества, было немыслимо. Во-2-хъ, существованіе казачества приурочено къ мѣстности, которая составляетъ теперь нашу степную полосу отъ Днѣпра до Урала; по ней когда-то проходило много народовъ, судьбы которыхъ иногда рѣшались на тѣхъ же поляхъ. Широкая степь представляла также удобства разнымъ хищнымъ ордамъ для нападеній на Россію, являясь опять боевою ареною. Въ такой мѣстности мирныя занятія и мирные жители были также немыслимы. Обитателемъ ея только и могъ быть воинъ. Такимъ образомъ, казакъ—это *степной* воинъ и, конечно, всадникъ, для котораго ровная степь представляла всѣ удобства. — Такъ и можетъ быть понимаемо казачество, какъ жизненное явленіе, независимо отъ своего названія. Но есть историческія данныя, которыя показываютъ, что и самое названіе «казакъ», по своему происхожденію, соотвѣтствуетъ означенному пониманію этого явленія. Данныя эти указаны еще Карамзинымъ («Ист. гос. росс., изд. 1842 г., кн. 2, л. 23 и слѣд.). Черкесы назывались касахами по осетински, касогами и казарами (хазарами)—въ нашихъ лѣтописяхъ. Страна ихъ, въ Прикавказьѣ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, называлась Казахіей и входила въ X и XI вѣкахъ въ составъ Тмутараканскаго удѣла нашихъ князей. Осетины, — они же ясы и аланы, — жили рядомъ съ Казахіей, ближе къ Каспійскому морю. Они, какъ и черкесы, были частью христіане, частью магометане. Карамзинъ полагаетъ, что подъ именемъ касаховъ черкесы были извѣстны и въ Византіи, которая, имѣя колоніи по берегамъ Чернаго моря, поддерживала торговыя сношенія и съ Прикавказьемъ, распространяя иногда сюда и свою государственную власть. Черкесы потомъ уже были загнаны, какъ и осетины, въ горы; до того же они занимали важное положеніе среди окрестныхъ народовъ. Владѣнія другой отрасли ихъ, казаръ, до нашествія въ XI в. половцевъ, простирались отъ Волги до Днѣпра («Историческій атласъ» Замысловскаго). Еще въ то время, когда Русь была языческою, казарскій городъ Саркелъ, расположенный на Дону, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ, былъ построенъ византійскими зодчими. Чрезъ столицу казаръ Итиль, расположенную въ устьяхъ Волги, шло торговое движеніе между Азіею и Европой. Русскіе купцы имѣли въ ней свой особый кварталъ. Черкесы переходили также въ область Тавриды и сталкивались тамъ со славянскимъ міромъ. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что осетинское названіе черкесовъ, — этого воинственнаго и храбраго народа,—было усвоено, и притомъ въ столь мало измѣненномъ видѣ, русскими удальцами. И монголы, столкнувшись съ тѣми же черкесами, могли также перенять это имя для обозначенія соотвѣтственной части своего войска. Но откуда бы ни произошло названіе «казакъ», имя это,—какъ говоритъ Карамзинъ, — означало «вольницу, наѣздниковъ, удальцовъ, но не разбойниковъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на турецкій лексиконъ; оно, безъ сомнѣнія,

не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и вѣру, добровольно такъ назвались».

Въ очеркѣ этомъ мы имѣемъ въ виду вольное великороссійское казачество и именно, какъ главное проявленіе его, Донское, Терское, Уральское и др. Казачества были, собственно, не отраслями его, а второстепенными казачьими группами, исходившими лишь изъ одного и того же источника—великороссійскаго народа—и совершенно однородными между собою. Малороссійское же казачество, — за исключеніемъ незначительной своей части: кубанскихъ казаковъ, — утратило свое военное устройство еще въ прошломъ столѣтіи.

Но, кромѣ вольнаго, у насъ было еще *городовое* казачество, о которомъ въ историческихъ памятникахъ, извѣстныхъ теперь, упоминается съ половины 15-го вѣка. Казаки эти, какъ легко вооруженный и наиболѣе подвижный родъ войска, несли на окраинахъ, обращенныхъ къ степямъ, сторожевую службу, отчасти пѣшую, отчасти конную: послѣднюю—въ видѣ сторожевыхъ разъѣздовъ или станицъ, главною обязанностью которыхъ было выслѣживаніе появленія враговъ, для отраженія набѣговъ.

Но что же было причиной появленія вольнаго казачества? Удадь, молодечество? Правда, на это имѣются нѣкоторыя указанія даже въ одномъ изъ правительственныхъ актовъ — въ наказѣ великаго князя Іоанна III, данномъ въ 1502 году рязанской великой княгинѣ относительно возвращенія изъ Москвы турецкаго посла чрезъ рязанскія земли. Указывая, чтобы наряженные книжники для проводовъ посла войска, въ томъ числѣ и казаки (городовые), сопровождали послу только до Рясской переправы, между притоками Оки и Дона, наказъ продолжаетъ: «а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити».

Но понятіемъ молодечества нельзя объяснить: зачѣмъ же было, для проявленія его, уходить изъ своего отечества? Вѣдь и прежде, въ домонгольской Руси, постоянная борьба со степными кочевниками создала, особенно въ пограничныхъ областяхъ, цѣлыя населенія, молодечество и доблесть которыхъ засвидѣтельствованы и лѣтописями, и поэзіей. Стоить, на примѣръ, только вспомнить о закаленныхъ храбрецахъ-курянахъ, воспѣтыхъ «Словомъ о полку Игоревѣ». Молодечество и удадь нераздѣльны съ понятіемъ вольнаго казачества, потому что послѣднее жило въ такихъ условіяхъ, что должно было или побѣждать и уничтожать враговъ, или быть побѣжденнымъ и уничтоженнымъ; но главная основа этого казачества, — сила, которая создала его, какъ отдѣльную боевую общину, — была другая. Ее нужно искать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась жизнь русскаго народа въ 15-омъ и особенно въ 16 столѣтіяхъ.

Это было тяжелое время, когда вліяніе татарскаго владычества выросло, окрѣпло и смѣло входило въ жизнь русскаго народа, перестраивая ее на свой образецъ и сокрушая на своемъ пути всѣ устои, какіе еще оставались отъ прежней вѣчевой Руси. «Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ московскую

эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши. До образованія единого московскаго государства, все населеніе русскихъ князей, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка всякій могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и проч. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся, какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшаго» человѣка». (В. Сергѣевичъ, «Юрид. Древн.», Т. I, 161).

Населеніе могло свободно переходить съ земли одного владѣльца на землю другаго не только въ предѣлахъ одного и того же княжества, но и по всей русской землѣ, устраиваясь гдѣ кому лучше, по соглашенію съ мѣстными владѣльцами. Но въ 15 и 16 столѣтіяхъ начинается *прикрѣпленіе земледѣльцевъ* къ владѣльческимъ землямъ, повлекшее вскорѣ и закрѣпощеніе ихъ. Правда, крѣпостное состояніе еще не было объявлено прямо въ законодательствѣ, но на самомъ дѣлѣ оно уже существовало, и даже въ законодательствѣ. Послѣднее только не подыскало еще соотвѣтствующаго имени этому новому явленію, а старалось приспособить его къ существовавшей уже формѣ рабства—къ *холопству*. Въ этомъ стремленіи своемъ законодательство облегчаетъ возможность установленія холопства и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ выходъ изъ него. Въ дотатарской Руси способами установленія холопства были: плѣнъ, добровольная продажа себя въ это состояніе, добровольное же, безъ всякихъ оговорокъ, принятіе на себя холопскихъ обязанностей, тѣнство (или принятіе ключа по хозяйству), бракъ съ несвободнымъ, рожденіе отъ раба и, наконецъ, несостоятельность—злостная или неосторожная. Теперь же, съ начала 16 столѣтія, появились новые виды холопства: 1) *кабальное*—въ случаѣ неплатежа по заемному обязательству не ниже 15 рублей, въ послѣдствіи же эта сумма была понижена до 3 рублей; 2) *служилое*—когда кто, не имѣя возможности платить проценты на занятыя деньги, отслуживалъ ихъ своимъ трудомъ, и 3) *добровольное*—кто, поступивши къ кому либо въ услуженіе, оставался въ такомъ положеніи 6 мѣсяцевъ, каковой срокъ былъ потомъ уменьшенъ на половину. При Федорѣ Іоанновичѣ, въ 1584—1585 г.,—подъ руководствомъ, конечно, Годунова,—происходитъ уже общее прикрѣпленіе крестьянъ (названіе это прежде означало всѣхъ вообще гражданъ-христіанъ) законодательнымъ порядкомъ, все болѣе и болѣе усиливавшееся въ послѣдующее время. Вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, послѣдовало прикрѣпленіе всего вообще служилаго сословія, въ томъ числѣ и бояръ, къ службѣ. Прежде это были *вольные слуги*, имѣвшіе право отъѣзда отъ одного князя къ другому, и потому мнѣнія ихъ выслушивались правителями, при которыхъ они служили, но теперь отношенія эти совершенно измѣнились. Такъ, когда членъ государственной думы Иванъ Берсень-Беклемишевъ, при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ, началъ

говорить противъ мнѣнія великаго князя Василя Іоанновича, послѣдній, не терпя возраженій, сказалъ ему: «пойди, смердѣ, прочь; ненадобенъ ми еси». Но возникали для древней знати и большія еще опасности. Съ развитіемъ въ управленіи личнаго начала вмѣсто прежняго общественнаго, появился новый родъ служилыхъ людей, — *людей выслуги*. Имъ не было дѣла до вѣковыхъ преданій и обычаевъ народа, въ которыхъ воспитывалось и умудрялось для дѣлъ управленія страной старинное боярство, считавшее иногда свою родовую древность вѣками, — имъ нуженъ былъ только личный успѣхъ, а для этого всегда меньше требуется служить дѣлу, а больше прислуживать личности, облеченной властью. Главнымъ разсадникомъ этихъ новыхъ людей были дьяки, зародившіеся въ рабской атмосферѣ, отъ писарей, бывшихъ рабовъ, и внесшіе свои особенности въ дѣло управленія.

«Есть у великаго князя, — писалъ въ Москву боярину Морозову московскій же выходецъ Тетеринъ, — *новые вѣрники*, дьяки; его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ; ихъ отцы вашими и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ».

Самъ государь Іоаннъ Грозный говорилъ о приказныхъ людяхъ своего времени: «сотворились имъ (народу), аки волци, гонители и разорители». На земскомъ соборѣ, созванномъ въ январѣ 1642 г. для обсужденія вопроса о принятіи отъ донскихъ казаковъ Азова, выборные люди, между прочимъ, говорили государю: «твои государевы дьяки и подьячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ несправедливымъ отъ своего мздоимства, купили многія вотчины и дома свои построили многіе, — палаты каменные такія, что неудобъ сказаемыя. Блаженной памяти при прежнихъ государяхъ, у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить... а разорены мы пуще турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ... а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ пріѣздахъ, торговъ своихъ отбыли... И отъ такой великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ».

Старое боярство относилось къ этимъ новымъ служилымъ людямъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ, а они, между тѣмъ, все болѣе оттирали его отъ дѣлъ управленія.

Наряду съ дьяками появился и другой родъ новыхъ людей — дворяне, происшедшій отъ «дворныхъ людей», т. е. находившихся въ услуженіи при дворѣ — какъ князей, такъ и бояръ и другихъ частныхъ лицъ. «Дворянъ своихъ имѣли даже тиуны. У кого былъ свой дворъ, у того могли быть и свои дворяне, какъ въ старину отроки». (*Сергѣевичъ*, тамъ же, 424). Значеніе свое, соотвѣтствовавшее значенію «дѣтей боярскихъ», дворяне получили съ новымъ

устройствомъ военной службы. Прежде войско составлялъ весь народъ, такъ что иногда вѣче обращалось въ войско и войско въ походъ составляло изъ себя вѣче; послѣ же татарскаго нашествія военную службу сталъ нести особый классъ населенія: сначала бояре и дѣти боярскія, а затѣмъ и дворяне, которымъ давались для сего помѣстья, и которые обязаны были въ случаѣ надобности выступать въ походъ сами и поставлять опредѣленное количество, — смотря по величинѣ помѣстья, — вооруженныхъ людей. Вслѣдствіе этого, названія: «дворянинъ» и «помѣщикъ» получили одно и то же значеніе. Такой порядокъ отбыванія военной службы обуславливался, конечно, тѣмъ, что народъ въ дѣйствительности уже потерялъ свободу; но разъ такой порядокъ былъ установленъ, онъ уже и самъ по себѣ требовалъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Дворянство состояло изъ людей самаго разнообразнаго происхожденія. «Изъ практики 17-го вѣка мы знаемъ, — удостовѣряетъ г. Сергѣевичъ (тамъ же, 442), — что въ дворянскіе списки записывались неслужилыхъ отцовъ дѣти, крестьяне и даже холопы». Тѣмъ не менѣе дворяне постепенно затираютъ собою дѣтей боярскихъ, такъ что уже въ началѣ 17-го столѣтія терминъ «дворяне» становится на первомъ мѣстѣ, обозначая собою какъ бы лучшихъ людей, чѣмъ дѣти боярскія. «Въ этомъ торжествѣ термина, возникшаго въ придворной службѣ, надъ терминомъ, возникшимъ въ вольной службѣ, выразилась полная и неоспоримая побѣда новыхъ московскихъ порядковъ надъ отживавшей стариной» (тамъ же, 438). Побѣдѣ этой способствовали также казни Іоанна Грознаго и его опричнина, уничтожавшія и людей стараго времени, и старые порядки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на «лучшихъ» людей прежняго времени обрушились бѣдность и захудалость. Дѣти боярскія поступали въ услуженіе къ частнымъ лицамъ и, при существованіи упомянутаго закона, теряли свободу, обращаясь въ холоповъ. При такихъ условіяхъ, духовный уровень всего русскаго народа естественно понижался, и это съ особенною яркостью сказалось въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Объ этихъ мѣрахъ, несовмѣстимыхъ съ человѣческимъ достоинствомъ, въ дотатарскій періодъ нашей исторіи и помину не было. Уже присутствіе меча, который носилъ при себѣ каждый гражданинъ, оберегало его достоинство. Послѣ татарскаго погрома, этотъ мечъ былъ снятъ, меча же духовнаго, — правъ, признанныхъ общеобязательнымъ закономъ, — еще не было и его не будетъ долго, до самаго времени великихъ реформъ Царя-освободителя. Войдя въ русскую жизнь вмѣстѣ съ другими особенностями дикой татарской орды, тѣлесныя наказанія не считались даже позорными: кнутомъ и батогами били и простолюдиновъ, и дворянъ, напримѣръ, за неисправное исполненіе воинской повинности, и бояръ — за нарушеніе, напримѣръ, правилъ придворнаго этикета, причемъ наказанный нисколько не лишался чести и могъ опять занять прежнее свое положеніе.

Таковы вкратцѣ главныя послѣдствія татарскаго погрома. Въ жизни русскаго народа не было уже достаточно обезпеченной безопасности, — ни личной, ни имущественной.

Судьба человека зависѣла отъ произвола болѣе сильныхъ лицъ. Рабство, опозореніе и ограбленіе въ разныхъ видахъ ходили открыто по всѣмъ жизненнымъ путямъ и могли по произволу наложить свои руки на каждаго; наложить же руки на нихъ было нельзя: они находились подъ охраной установившагося порядка и даже закона.

Между тѣмъ, преданія и обычаи дотатарской Руси еще не вымерли окончательно и далеко не всѣ русскіе люди могли примириться съ новыми порядками. Выходъ для нихъ изъ столь труднаго положенія нашелся: можно было уйти отъ новыхъ порядковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не разрывать связей со своимъ отечествомъ, а, напротивъ, сослужить ему важную службу. Выходцы направились на Донъ и стали тамъ лицомъ къ лицу со злѣйшими и опасными врагами Россіи, какъ и всего христіанства. Ихъ приняли бы и сосѣди наши: шведы, нѣмцы, поляки и тѣ же турки, но пойти туда—значило бы стать измѣнниками. Идти въ Сибирь? Туда и направились часть выходцевъ, съ Ермакомъ во главѣ, но на Дону русская сила была еще болѣе необходима, чѣмъ въ Сибири. И, притомъ, жизнь можно было устроить тамъ также по своему.

Край этотъ отдѣлялся большими пространствами отъ русской границы и на востокъ, и—особенно—на сѣверъ, гдѣ русскую порубежную черту въ 16 столѣтіи обозначали города: Воронежъ, Ливны, Кромы, Курскъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки. Придонская степь, на югъ отъ этой черты, никогда не принадлежала Россіи, до занятія ея казаками, находясь во владѣніи сначала хазарь, а потомъ половцевъ и татаръ.

Что причиной выдѣленія казачества изъ Россіи въ особую общину была приверженность къ древне-русскому укладу жизни, къ древне-русской вольности, сказавшаяся на почвѣ тяжелыхъ,—особенно въ нравственномъ отношеніи,—условіи жизни въ Россіи; на это есть, помимо приведенныхъ выше, и прямые указанія: въ самой жизни казаковъ, въ ихъ правительственныхъ актахъ и народномъ духовномъ творествѣ.

На Дону-то живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные—все донскіе казаки,

поется въ старой казачьей пѣснѣ.

Въ жалобѣ своей на дѣйствія астраханскаго воеводы, донскіе казаки не постѣснились даже Петру 1-му высказать ту же мысль, которая высказывалась ими и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, что если не будутъ прекращены такіа дѣйствія воеводы, то,—писали казаки,—«разбредемся, куда кому сручно, но только въ Русь не пойдемъ: люди мы вольные—намъ тамъ дѣваться нѣкуда, а пойдемъ на Куму къ раскольникамъ. У насъ, на Дону, живутъ другъ другу угождаючи, а не досаждаючи. Теперъ такое шаткое время стало, что намъ, кромѣ худа, ожидать нечего. Какъ жить намъ—мы и разуму не приложимъ. Надо постоянно беречься отъ непріятеля, а еще болѣе отъ своихъ: дураковъ явилось много».

Государь внялъ этой жалобѣ, и казаки получили удовлетвореніе (А. Савельевъ, «Трехсотлѣтіе войска Донскаго», 48).

III.

Перейдя на Донъ, казаки устроились по *вѣчевому образу*: всѣ общественныя дѣла рѣшались ими въ собраніи ихъ, въ войсковомъ кругу.

Ни сословныхъ, ни какихъ либо другихъ внѣшнихъ различій между ними не было, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они становились подъ власть ими же самими избираемыхъ лицъ. Въ 1592 году русскій посолъ Нащокинъ, на пути въ Константинополь, по обыкновенію, привезъ донскимъ казакамъ царское жалованье и говорилъ имъ: «прислано вамъ и велѣно мнѣ дать лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ—сукна рословскія». На это казаки ему отвѣтили: «какъ вы хотите раздавать сукно, разверстывать лучшимъ добрыя, а рядовымъ среднія?—у насъ большихъ нѣтъ никого; всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется» (тамъ же, 4).

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: изъ какихъ классовъ русскаго населенія состояли донскіе казаки? Въ общемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть выведенъ изъ указанныхъ выше условій жизни въ Россіи: бѣжать было кому изъ всѣхъ классовъ общества, въ частности же имѣются и спеціальныя свѣдѣнія. Уже при великомъ князѣ Василѣ Іоанновичѣ уходили на Донъ рязанскіе казаки. «При сынѣ Василя, — говоритъ Соловьевъ («Ист. Рос.», т. 6, 371),—они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе «донскихъ» и становятся страшны ногаямъ, крымцамъ, азовцамъ... На Донъ шли и севруки, жители сѣверной украины, подобно рязанцамъ, издавна славившіеся своею отвагою». Ногайскій князь Юсуфъ писалъ въ Москву въ 1549 году: «наши люди ходили въ Москву съ торгомъ и, какъ шли назадъ, ваши казаки и севруки, которые на Дону стоятъ, ихъ побии». Около того же времени русскій гонецъ доносилъ: «шли мы Волгою изъ Казани въ Астрахань и, какъ поровнялись съ Иргызскимъ устьемъ, пришелъ на насъ въ стругахъ князь Василій Мещерскій, да казакъ Личуга, хромой Путивлецъ, и взяли у насъ судно царя ¹⁾ Ямгурчея. Я у нихъ просилъ его назадъ, но они мнѣ его не отдали и меня позорили». На жалобы Юсуфа Ногайскаго царь отвѣчалъ, между прочимъ: «эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ» (тамъ же).

Есть указаніе, что въ донскихъ казакахъ былъ прежде и патриархъ Гермогенъ (тамъ же, 54).—Пополнялось войско Донское, въ случаяхъ большой убыли вслѣдствіе войнъ, и мѣрами правительства. Такъ, когда послѣ знаменитаго азовскаго сидѣнья изъ пяти слишкомъ тысячъ казаковъ осталось всего около 3000, изъ которыхъ многіе были переранены («безъ глазъ и безъ рукъ, и безъ ногъ стало много», писали казаки), а, между тѣмъ, турки, мстя за пораженіе, нападали на нихъ и грозили полнымъ уничто-

¹⁾ Астраханскаго.

женіемъ,—по повелѣнію государя, дворяне Кондыревъ и Шишкинъ набрали по украиннымъ городамъ, для переселенія на Донъ, до 3000 человекъ вольныхъ людей, которымъ высланы были жалованье и пища. Въ іюнѣ 1646 г. эти люди выступили изъ Воронежа, а въ августѣ участвуютъ уже съ казаками въ походѣ противъ крымскихъ царевичей. Также и въ 1675 г. государь приказалъ дать разрѣшеніе свободнымъ людямъ приходить на Донъ для поступленія въ казаки, а когда въ томъ же году правительство потребовало, чтобы бѣглецы люди,—главнымъ образомъ раскольники, — были выдаваемы, казаки отвѣчали: «напередъ сего мы никогда не выдавали людей съ Дону; мы только и поддерживались приходившими къ намъ людьми. Если же ты, государь, велишь ихъ отобрать у насъ, то мы всё разбредемся врознь».

Послѣ возстанія Малороссіи противъ Польши при Богданѣ Хмѣльницкомъ, многіе малороссы уже не хотѣли возвращаться подъ власть польскихъ пановъ и стали переселяться въ Россію. И вотъ въ 1649 г. повелѣно было: «принимать черкасовъ женатыхъ и семьянитыхъ; а одинокихъ, у которыхъ племени въ выходцахъ не будетъ, не принимать, сказывать имъ, чтобъ шли на Донъ, для чего давать имъ прохожія памяти».

Въ концѣ 17 столѣтія, вмѣстѣ съ усиленіемъ закрѣпощенія народа, замѣтно увеличивается вообще число переселенцевъ на Донъ и помимо раскольниковъ. Селились они въ верхней части Донской области, по рѣкамъ Хопру, Бузулуку, Медвѣдицѣ и др. Переселенія эти вызвали строгія мѣры со стороны правительства, съ цѣлью возвращенія переселенцевъ.

Но какихъ бы сословій или вообще жизненныхъ положеній люди ни приходили на Донъ,—по поступленіи въ войско Донское они всё уравнивались званіемъ: *донской казакъ*. Это означало также и *вольный казакъ*. И этимъ званіемъ они дорожили. Такъ, созывая товарищей отстаивать Азовъ противъ шедшей на него многочисленной турецкой рати, казаки писали въ своей грамотѣ: «чтобы вамъ, атаманамъ-молодцамъ, помнить престолъ Іоанна Предтечи, государеву къ себѣ милость и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, ѣзжайте въ Азовъ къ войску днемъ и ночью, немалыми людьми, на помощь... Знаете вы сами, какъ приходили со всѣхъ рѣкъ Азовъ брать и какъ Богъ поручилъ городъ великому войску Донскому. Какъ бы теперь надъ нами бусурманы не посмѣялись. Всѣ земли нашему казачьему житію завидовали, а нынѣ ли такъ и потеряемъ свою казачью славу?»

Но не одни казаки дорожили своимъ званіемъ: вольное казачество пользовалось глубокимъ сочувствіемъ всего русскаго народа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что въ своихъ былинахъ народъ называетъ—и притомъ многократно — «донскимъ казакомъ» любимаго своего богатыря, Илью Муромца, подвиги котораго относятся, между прочимъ, и къ тѣмъ же степямъ, и къ тѣмъ же врагамъ земли русской, съ которыми неразрывно связано имя донскихъ казаковъ. Объясняется это тѣмъ, что въ Ильѣ Муромцѣ народъ нашъ олицетворялъ свою силу, а выраженіемъ той же самой силы служило и донское казачество. Назвавши Илью Муромца

донскимъ казакомъ, народъ сказалъ этимъ только то, что подвиги донскаго казачества приравниваетъ къ своимъ богатырскимъ подвигамъ, какъ и подвигъ, напримѣръ, Ермака. — И верховная государственная власть, въ цѣломъ рядѣ грамотъ, пожалованныхъ войску Донскому, признала доблесть и государственныя заслуги послѣдняго. Выраженіемъ такого взгляда правительства служатъ и слова русскаго чиновника 17 столѣтія, подьячаго посольскаго приказа, Котошихина, который въ книгѣ своей о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, перечисляя, изъ какихъ частей состоитъ русское войско, говоритъ и о донскихъ казакахъ: «и тѣхъ донскихъ казаковъ на Дону емлютъ для промыслу воинскаго, посылать въ подѣзды, подсматривать и непріятельскіе сторожи скрадывать; и дается имъ жалованье, что и другимъ казакамъ. А будетъ ихъ казаковъ на Дону съ 20,000 человекъ, учинены для обереганія понизовыхъ городовъ отъ приходу турскихъ и татарскихъ, и нагайскихъ людей, и калмыковъ... И дана имъ на Дону жить воля своя, и начальныхъ людей межъ себя, атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятся во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу... а елибъ имъ воли своей не было — и они бъ на Дону служить и послушны быть не учили, и только бъ не они, донскіе казаки,—не укрѣпились бы а не были бъ въ подданствѣ давно за московскимъ царемъ казанское и астраханское царствы, съ городами и съ землями, во владѣтельствѣ».

Въ 1870 году войско Донское праздновало 300-лѣтіе своего существованія, такъ какъ первая царская грамота дана ему была въ 1570 г. Но донскіе казаки, какъ сказано уже, существовали еще ранѣе этого времени. Напримѣръ, въ 1540-хъ годахъ ногайскій князь Юсуфъ писалъ Іоанну IV: «холопи твои, какой-то Сары-Азманъ ¹⁾ слыветъ, съ товарищами, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ городъ подѣлали, да нашихъ пословъ и людей стерегутъ и разбиваютъ. Какая же это твоя дружба? Захочешь съ нами дружбы и братства, то ты этихъ своихъ холопей оттуда сведи». Казаки устроились сначала на верхней половинѣ теченія Дона. Спуститься ниже они могли только послѣ паденія Казани и Астрахани, такъ какъ до того времени на всемъ пространствѣ, начиная отъ средней Азіи, гдѣ только жили мусульмане, чрезъ Казань, Астрахань и Азовъ, включая сюда и всю Турцію, раскинута была сплошная вражеская—относительно Россіи, какъ и всего христіанства ²⁾,—сила, объединенная исламомъ, борьба съ которымъ и выпала на

¹⁾ Повидимому, ногаи переименовали на свой ладъ имя казачьяго атамана: едва ли христіанинъ могъ носить мусульманское имя, особенно въ то время. Среди казаковъ могли быть и татары, но не иначе, какъ по принятіи христіанства.

²⁾ Впрочемъ, недавно одинъ христіанскій народъ, политика котораго также проявила себя въ довольно хищническомъ видѣ и также враждебна Россіи, какъ и всему славянству, побратался, въ лицѣ своего государя, съ мусульманствомъ и это, доселѣ невиданное, братство скрѣплено даже клятвой на могилѣ Саладина и,—прибавимъ мы,—возлѣ могилъ крестоносцевъ, которые, елибы встали изъ своихъ гробовъ, то, конечно, не рукоплесканіями, какъ потомки ихъ, встрѣтили бы такое братанье...

долю русскаго народа. Какъ были сплочены между собою всѣ мусульмане на этомъ пространствѣ, можно видѣть изъ грамоты султана къ ногайскимъ князьямъ, содержаніе которой послы наши передали въ такомъ видѣ: «Въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что русскаго царя Ивана лѣта пришли: рука его надъ бусурманами высока. Уже и мнѣ отъ него обиды великія: поле все и рѣки отъ меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю; казаки его съ Азова оброкъ берутъ; воды изъ Дона пить не даютъ. А крымскому царю также обиду дѣлаютъ великую: Перекопъ воевали. Русскіе же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ, а въ Казани вѣдь наша же вѣра бусурманская. И мы всѣ, бусурманы, стоворились: станемъ отъ русскаго царя борониться заодно».

Но и послѣ покоренія Казани и Астрахани, все пространство отъ нижняго теченія Волги и отъ Каспійскаго моря до морей Азовскаго и Чернаго, и отъ Дона до кавказскихъ горъ еще долго было во владѣніи кочевыхъ ордъ. Орды эти находились подъ покровительствомъ Турціи, но жили самостоятельно. Такъ, еще въ началѣ 18 столѣтія ханъ кубанской орды Бахты-Гирей, собираясь въ набѣгъ, говорилъ: «у меня во владѣніи никакихъ городовъ нѣтъ, а живу съ кубанскою ордою, гдѣ захочу. Пойду ли войною на русскіе города или на калмыковъ — про то никто мнѣ не укажетъ».

Калмыки появились въ задонскихъ степяхъ изъ Азіи уже въ 17-омъ столѣтіи и хотя приняли русское подданство, но нерѣдко, когда казаки уходили въ походъ, нападали на ихъ жилища и производили такіе же опустошенія, какъ и другіе враги. Только послѣ закубанскаго похода Суворова въ 1783 году, а также присоединенія къ Россіи Азова и Крыма, закончилась вѣковая непрерывная борьба казаковъ, веденная ими съ этими сосѣдями-врагами, и казачество вступаетъ на общегосударственный жизненный путь. Но мы обратимся къ предыдущей жизни его, въ которой оно выказалось въ своемъ истинномъ видѣ и со всѣми своими особенностями.

Перейдя въ область нижняго теченія Дона, казаки осѣли сначала недалеко отъ впаденія Донца въ Донъ, верстахъ въ ста по прямой линіи отъ Азова, и построили здѣсь Раздорскій городокъ, но скоро они спустились еще ниже и основали, также на правомъ берегу Дона, Черкасскъ—всего верстахъ въ 40 отъ Азова по прямому направленію. Въ началѣ 17-го столѣтія, городокъ этотъ уже существовалъ: въ немъ зимовалъ посолъ нашъ, шедшій въ Константинополь съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича.

Вотъ эти-то казаки, жившіе по нижнему теченію Дона, и составляли собственно войско Донское, по крайней мѣрѣ, въ первомъ столѣтіи его существованія. На его именно плечи и легла вся тяжесть борьбы съ окрестными непріятелями. Эти казаки назывались *коренными*, *домовитыми*—въ отличіе отъ верховыхъ, которые не имѣли опредѣленнаго устройства и назывались *голутвенными* казаками, *голытьбою*. Къ этимъ-то послѣднимъ потомъ и раздается кличъ «воровскаго» атамана Разина:

Судари мои, братцы, голь кабацкая,
 Поѣдемъ мы, братцы, на сине-море гулять,
 Разобьемъ мы, братцы, бусурмански карабли,
 Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно.

Про нихъ же царьцынскій воевода писалъ въ Москву: «всѣ казаки на Дону и Хопрѣ, одинокіе и голутвенные люди, Стенькѣ Разину въ товарищи гораздо гожи». И самъ Разинъ сказалъ низовому атаману Корнилію Яковлеву, когда послѣдній пытался остановить приверженцевъ его отъ убійства царскаго жильца Евдокимова, присланнаго на Донъ, чтобы разузнать о намѣреніяхъ Разина: «ты владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ и въ мои дѣла не мѣшайся!» Въ 1592 г. низовые казаки говорили царскому послу Нащокину: «прежде государь насъ жаловалъ и посылалъ намъ грамоты низовымъ лучшимъ атаманамъ поимянно, а потомъ всѣмъ атаманамъ и казакамъ, низовымъ и верховымъ; а нынѣ писано напередъ атаманамъ и казакамъ верховымъ, а послѣ намъ, низовымъ; то не имянно: верховые казаки государевой службы и не знаютъ... Да и седитра прежде присылаема намъ была по Верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшивали».

Осѣвши на нижнемъ теченіи Дона, казаки этимъ самымъ бросили своимъ врагамъ вызовъ на беспощадную борьбу. Они окончательно завладѣли Дономъ, служившимъ Турціи не только для торговли, но и для военныхъ цѣлей, и связывавшимъ ее со всѣмъ мусульманскимъ востокомъ. Они заняли мѣста, которыя искони считались собственностью кочевавшихъ здѣсь орды.

Они стали помѣхой на «воровскихъ» ¹⁾ путяхъ, по которымъ совершали свои опустошительные набѣги на Россію эти орды, какъ однѣ, такъ и въ союзѣ съ крымскими татарами, отдѣлявшимися отъ нихъ только керченскимъ проливомъ, и съ другими мусульманами, проживавшими въ горахъ Кавказа. Опорнымъ пунктомъ здѣсь, для всѣхъ враждебныхъ Россіи дѣйствій, служилъ Азовъ, и теперь онъ оказался почти въ постоянной осадѣ отъ казаковъ. Значеніе Азова въ то время было громадно. Когда, въ 1637 году, казаки взяли его и Турція вооружилась, чтобы опять овладѣть имъ, въ Константинополѣ говорили: «не взявши Азова, намъ никогда въ покоѣ не бывать и всегда на себя ждать гибели. Когда казаки умножатся и городъ укрѣпятъ, то намъ и въ Царьградѣ не отсидѣться, а Крымъ и давно не нашъ. Нынѣ намъ Азовъ пуще и тошнѣе Багдада сталъ». И въ продолженіе всѣхъ пяти лѣтъ, пока казаки владѣли Азовомъ, на Россію не могли сдѣлать ни одного нападенія ни крымцы, ни ногаи ²⁾.

¹⁾ Слово «воръ» было аналогично теперешнему слову «врагъ» (ворогъ), обозначая также и вообще преступника. Напр., бояринъ, попавшій подъ судъ за колдовство противъ государя, назывался воромъ. Для обозначенія вора въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, существовало тогда выраженіе: «тать».

²⁾ Здѣсь, надо полагать, сказалось и вліяніе Запорожья. Почти одновременно съ переходомъ великороссійскаго казачества на нижнее теченіе Дона, малороссійское казачество на Днѣпрѣ заняло, въ 1556 г., островъ Хортицу

Если все это вызывало ожесточеніе мусульманъ, то не меньше ожесточены были и казаки—главнымъ образомъ набѣгами этихъ хищниковъ въ предѣлы Россіи, кончавшимися обыкновенно похищеніемъ и истребленіемъ всего, что можно было похитить и истребить, и уводомъ въ плѣнъ населенія, среди котораго были и родственники казаковъ. На это, между прочимъ, указывается и въ отпискѣ казаковъ царю, при объясненіи ими причинъ взятія Азова. «Видя—писали они—христіанъ, отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ, водимыхъ въ плѣнъ, слыша ихъ плачь и мученіе и большую неволю, мы болѣли своими сердцами и не могли больше терпѣть этого азовцамъ».

Полоненіе русскихъ степными кочевниками лежало тяжкимъ гнетомъ на сердцѣ всего русскаго народа; это сказалось и въ духовномъ творествѣ его: освобожденіе плѣнныхъ было однимъ изъ главныхъ предметовъ заботъ и подвиговъ народныхъ богатырей. Сюда относится, напр., бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горыничемъ, олицетворявшимъ собою тѣхъ же кочевниковъ. Побѣжденный Добрыней, змѣй говоритъ ему:

Ахъ ты гой, Добрынюшка Никитиничъ!
Мы положимъ заповѣдь великую,
Чтобы не летать мнѣ во святую Русь,
Не хватать людей мнѣ больше русскіихъ,
Не копить мнѣ полоновъ да людскіихъ;
А тебѣ не ѣздити въ чисто поле,
Не топтать тебѣ малыхъ змѣенышевъ,
Да не выручать полоновъ русскіихъ.

Какъ казаки относились къ своимъ врагамъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ случаевъ.

Въ 1650 году Богданъ Хмельницкій писалъ донцамъ: «у насъ братство вѣчное съ крымскимъ государствомъ стало. И вы, ради братской любви нашей, не дѣлали бы обидъ государству крымскому и турецкому, и на море не ходили бы, а если пойдете, то мы будемъ промыслять надъ вами». Войско Донское отвѣтило ему: «неприлично христіанину дружитья съ бусурманиномъ. Не мѣшайте намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда съ вами были въ братствѣ, но знайте, что мы умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ и съ друзьями». И даже когда, въ 1630 г., самъ государь писалъ донскимъ казакамъ, чтобы они шли вмѣстѣ съ турками противъ Польши, они отвѣтили: «По твоей же государевой грамотѣ велѣно намъ идти вмѣстѣ съ турецкими пашами противъ недруга твоего, короля польскаго. Государь, мы отъ Божіей милости не отступники, а тебѣ, твоему царскому величеству, не измѣнники, не лакомы, служимъ тебѣ, государю, съ травы да воды, къ твоему

и, такимъ образомъ, стало также на «воровскихъ» путяхъ крымцевъ и ихъ собратьевъ. Донъ и Днѣпръ подали другъ другу руки. Потомъ, въ 1684 г., молковникъ Палѣй, прося помощи войска Донскаго противъ турокъ и крымцевъ, между прочимъ, писалъ: «какъ около Днѣпра будетъ не добро, такъ и вамъ худо».

государеву величеству языки и вѣсти посылаемъ, твоихъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турецкую землю и истинную православленную вѣру, въ которой предки наши и мы породились и возросли, помнимъ и крѣпко держимъ, и впредь хотимъ за нее стоять. Мы, прирожденные православные христіане, не хотимъ идти въ бусурманскую землю на помощь турецкимъ пашамъ и вмѣстѣ съ ними на литовскую землю, потому что наша вѣра туркамъ ненавистна. Хотя бы мы съ турецкими пашами промысли надъ Литвой сдѣлали, то слава будетъ принадлежать не тебѣ, государь, а турецкому Муратъ-султану, и вся наша служба пропадетъ даромъ. Въ прежніе годы, государь, при бывшихъ царяхъ, мы, донскіе казаки, бывали на многихъ службахъ, хаживали изъ Москвы съ русскими людьми, боярами и воеводами, но никогда мы турецкимъ султанамъ не служивали, да и теперь мы рады за тебя, государя, сгоять и умирать безъ всякой шатости, чтобы московское государство твоимъ смотрѣніемъ и защищеніемъ было бы въ покоѣ и тишинѣ». Но казаки въ борьбѣ съ турками, кромѣ мѣстныхъ побѣдъ, имѣли и болѣе широкіе виды или, по крайней мѣрѣ, мечтали о нихъ. Такъ, по словамъ сказанія объ Азовскомъ сидѣннѣ, — авторъ котораго, какъ видно, былъ хорошо знакомъ съ этимъ событіемъ, — казаки, въ іюлѣ 1641 г., съ крѣпостныхъ стѣнъ Азова, на предложеніе главы янычаръ сдать городъ и передаться султану, между прочимъ, отвѣчали: «не татеннымъ и разбойнымъ промысломъ мы взяли городъ Азовъ, а въ день, боемъ, дородствомъ и разумомъ своимъ, бьючись съ вами, поганцы, съ лица на лицо противъ многочисленныхъ вашихъ войскъ. Промышляя также, хочется намъ взять у васъ Царьградъ. Вѣдь это государство было христіанское, строеніе прежнихъ благочестивыхъ царей греческихъ, а не вашего бусурманскаго царя турецкаго... Еслибы повелѣлъ великій государь намъ идти на васъ войною одной своей украинѣ, то тутъ собралось бы государевыхъ людей больше легіона тысячъ и въ одно лѣто были бы за нашимъ государемъ и Іерусалимъ, и Царьградъ. Но держать своихъ людей великій государь — на то его десница государская. Мы люди божіи и холопи государя, царя московскаго: какъ же можно служить намъ царю вашему невѣрному?»

При такихъ условіяхъ, борьба между казаками и мусульманствомъ приняла характеръ истребленія. Такъ, взявши 18 іюня 1637 г. Азовъ, казаки, между прочимъ, доносили государю: «ни одного челоука на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили». Въ 1622 году посланники наши, Кондыревъ и Бормасовъ, на пути отъ Азова до Константинополя, вездѣ встрѣчали слѣды страшныхъ опустошеній отъ казачьихъ погромовъ. Въ одномъ морскомъ лиманѣ они нашли десять турецкихъ кораблей, на которыхъ не оказалось ни одного челоука, потому что всѣ они, принявъ ихъ за казаковъ, бросились на берегъ и разбѣжались по селамъ и деревнямъ. «Всѣ села и деревни, — писали послы, — по которымъ мы ѣхали, были пусты, потому что жители разбѣжались отъ казаковъ и живутъ по лѣсамъ» (А. Савельевъ, 14). И также набѣги казаковъ совершались почти каждый годъ. Турки отвѣчали тѣмъ же. «А что — говорили казаки — нашу братью, атамановъ и ка-

заковъ, берутъ въ полонъ азовскіе люди, то тѣхъ бросаютъ на уды, да на каторги сажаютъ и не только отдать даромъ, и на откупъ-то не отдають». Когда, въ 1647 г., азовцы,— вмѣстѣ съ крымцами, ногаями и черкесами,— снова напали на Черкасскъ и были разбиты, то плѣнные ихъ говорили: «приходили мы затѣмъ, чтобы казаковъ разорить, съ рѣки всѣхъ перевести и весь Донъ до Воронежа очистить».

Не то ли же самое ожесточеніе между русскими людьми и ихъ степными сосѣдями выразилъ народъ и въ былинахъ своихъ, напр., изображая бой Ильи Муромца съ татаринѣмъ (сокольникѣмъ-охотникѣмъ)?

Разъѣхались тутъ во всю скачъ бойцы,
Принялись за копья за вострыя,
Древки у копій выгибались,
На черенья копья разлетались;
Ударили въ боѣвыя въ палицы:
Съ уразу тово палицы валилися,
По маковку палицы ломилися.
Сверкнули у удалыхъ мечи вострыя,
Сѣкутъ огонь объ латы, расщепляются,
Тупятся объ латы объ кольчужныя.
Повыскакали витязи съ добрыхъ коней,
Схватилися другъ съ дружкой въ ухваточку,
Стали бороться, ломатися.

Этотъ необычный бой русскаго богатыря съ татаринѣмъ, какъ равнаго съ равнымъ, объясняется только тѣмъ, что сила этого татарскаго богатыря исходила отъ Ильи же Муромца. Но презрѣніе, которое проявлялъ къ татарамъ русскій народъ во всѣхъ своихъ духовныхъ произведеніяхъ, сказалося и здѣсь: побѣдивъ противника и во второй разъ, Илья Муромецъ разорвалъ его на двѣ части и разбросалъ ихъ.

Усилія казаковъ направлялись главнымъ образомъ на Азовъ, какъ на опору мусульманства въ этомъ краѣ. Еще при Іоаннѣ Грозномъ султанъ говорилъ, что казаки живутъ Азовомъ, а Азовъ— казаками. Послѣдніе каждый годъ почти приходили подъ этотъ городъ, разоряли его и брали плѣнныхъ, за которыхъ иногда получали выкупъ. Нападенія ихъ простирались, конечно, и на кочевниковъ, какъ въ ихъ становищахъ, такъ и на «воровскихъ» путяхъ ихъ. Объ этомъ, перечисляя службы казаковъ, писалъ послѣднимъ и государь въ грамотѣ своей отъ 1615 г. «Вы, атаманы и казаки, намъ, великому государю, служите, по шляхамъ разъѣзжаете, по перевозамъ лежите, ясырь ¹⁾ отграмливаете и въ наши украинные города приводите русскихъ плѣнныхъ, струги и гребцовъ нанимаете и кормъ имъ покупаете, и нашихъ пословъ и посланниковъ встрѣчаете и провожаете въ Царь-градъ, въ Большіе и Малые Ногаи. И мы васъ, атамановъ и казаковъ, за ваши многія намъ службы, пожаловали, велѣли вамъ, со всякимъ товаромъ и безъ товара, въ

¹⁾ Добычу.

наши украинные города къ родимцамъ своимъ ѣздить и съ ними видѣться свободно».

Насколько трудна была служба казаковъ, можно судить потому, что ее не всегда выносили и ратные люди, присылаемые въ помощь казакамъ. Такъ, въ 1673 году, изъ 8,000 человѣкъ царскаго войска, присланнаго для взятія, вмѣстѣ съ казаками, каланчинскихъ башенъ,—построенныхъ турками по обоимъ берегамъ главнаго рукава Дона, Каланчи, и запиравшихъ выходъ въ море,—въ короткое время бѣжало 1,400 человѣкъ. Вольные люди, присланные въ 1646 году для пополненія убыли казаковъ, держались еще, пока князь Пожарскій съ разными людьми былъ на Дону, а по уходѣ его, тяготясь службою, сначала тайкомъ, а потомъ и явно начали уходить въ украинные города. «Хотѣли было, — писали казаки, — мы съ погонщиками поставить бой, но побоялись междоусобной смуты, чтобы о томъ не прошла слава въ иныя земли и орды». — Трудность военной боевой службы обыкновенно идетъ рука объ руку съ доблестью. Собственно, этими свойствами проникнута вся прошлая жизнь Донскаго казачества, особенно въ первыя два столѣтія его существованія: иначе казаки, — какъ мы упомянули уже, — не могли бы и удержаться на Дону. Какъ образчики такой жизни казачества, могутъ быть приведены слѣдующіе два случая. Въ 1630-хъ годахъ, казаки доносили государю: «ходили мы, государь, на крымскую степь и подъ шляхами лежали, сошлись съ ногайскими людьми на Кундрючьѣ, въ вершинахъ, и былъ у насъ съ ними бой. Божіею милостію и твоимъ счастьемъ, тѣхъ татаръ побили и русскій полонъ отгромили; потомъ дошла до насъ вѣсть, что азовскіе и ногайскіе люди пошли на Русь, и мы, переговора межъ собою, пошли за ними и на рѣчкѣ Быстрой однихъ побили, другихъ живыхъ побрали. Чрезъ нѣсколько дней пришли изъ разныхъ улусовъ Большаго Ногай черные люди и хотѣли Донъ перелѣзть подъ Азовомъ, на большомъ перевозѣ, на Крымскую сторону, а мы, тожъ переговора между собою, пошли за ними судами и въ ночь тѣхъ татаръ порубили тысячи полторы и больше, жонъ же и дѣтей въ полонъ забрали, всего же полону — 1,300 человѣкъ. Спустя мало времени, ходили мы въ ногайскую степь войскомъ и пожгли ногайскихъ улусовъ, на Чубурѣ, дворовъ тысячи двѣ и больше, взяли полону жонъ и дѣтей 800 человѣкъ, приведши ихъ въ юрты свои и тѣхъ порубили; къ тебѣ же, государь, въ Москву, нельзя было послать полонъ, потому что зима была студеная и снѣга глубокіе. Потомъ извѣстно намъ стало, что ногайцы пришли на взморье, на очаковскую косу, и хотѣли перелѣзть въ Крымъ. Мы пошли противъ нихъ; тѣхъ татаръ порубили и полону взяли около 1 тысячи человѣкъ. Когда же мы съ тѣмъ полономъ подходили къ Кагальнику, то тутъ вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ и съ пушками. Мы дрались съ ними весь день, но они намъ ничего не могли сдѣлать. Затѣмъ дошелъ до насъ слухъ, что турецкій царь приказалъ всѣмъ своимъ ратнымъ людямъ, вмѣстѣ съ крымцами, азовцами и ногайцами, идти войною, моремъ и сухимъ путемъ, на Донъ, чтобы наши казачьи городки разорить. Мы, государь, переговора межъ собою и не дожидаясь твоей грамоты, пошли стругами

79867

въ море, остерегать, чтобы турецкія каторги не прошли; не входя въ Черное море, мы въ гирлѣ стояли 6 недѣль и затѣмъ воротились на Донъ».

Но бывали и худыя времена для казаковъ. Въ 1644 году они писали въ Москву: «всю прошлую зиму мы, бѣдные и безпомощные, сидѣли въ низовомъ Черкасскомъ городкѣ въ осадѣ отъ ногайцевъ, темрюкскихъ черкасъ и крымскихъ воинскихъ людей; не было намъ, государь, никуда выходу изъ городка ни за рыбою, ни за дровами; натерпѣлись мы отъ нихъ и холоду, и голоду, и, не желая себя постыдить, многіе изъ насъ померли голодною смертію. Во всю зиму ногайскіе улусы кочевали въ нашихъ старыхъ юртахъ по Махину и кругомъ Черкасскаго городка, отъ насъ въ верстѣ и даже менѣе того, вмѣстѣ съ азовцами, крымцами и черкасами темрюкскими, большимъ собраніемъ дѣлали частые къ намъ приступы и бой, и кровопролитіе у насъ съ ними было большое. А теперь, съ наступленіемъ весны, азовскій Мустафа-бей съ воинскими людьми опять хотятъ идти къ намъ подъ Черкасскъ: конные берегомъ, а судовые—рѣкою Дономъ. Этого ихъ приходу мы ожидаемъ вскорѣ, а помощи и заступленія, кромѣ всемилостиваго Спаса и Пресвятой Богородицы, да тебя, великаго государя, ни отъ кого не имѣемъ».

Это можно бы также назвать «сидѣньемъ»—Черкасскимъ, но у донцовъ есть еще «Азовское сидѣнье». И одного такого подвига, можетъ быть, было бы достаточно, чтобы назвать донскимъ казакомъ народнаго богатыря. Противъ небольшой дружины казаковъ пришла подъ Азовъ турецкая армія въ 240,000 человекъ, при которой были и осадная артиллерія въ 100 орудій, и «нѣмецкіе люди *гороδοимцы и вымышленники*». Азовъ былъ разбитъ и разоренъ весь до основанія, какъ доносилъ потомъ дворянинъ Желябужскій, посланный государемъ для осмотра города, но казаки, отбивши 24 приступа, «отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городкѣ, въ земляныхъ избахъ», и заставили непріятеля снять осаду и вернуться назадъ. «Государь,—писали послѣ этого казаки,—мы взяли Азовъ своею кровью на счастье благовѣрнаго сына твоего Алексѣя Михайловича; бьемъ тебѣ челомъ отъ всего войска: прими отъ насъ этотъ городъ въ вѣчную славу и вотчину». Государь отвѣтилъ: «все войско Донское, Осипа Петрова съ товарищами, мы милостиво похваляемъ за вашу службу, за промыслъ, за крѣпкостоятельство и за то, что, будучи въ осадѣ, всякую осадную нужду и голодъ терпѣли и на бусурманскія слова не прельстились. Пишете намъ, что вы теперь наги, босы и голодны, что запасовъ и пороху, и свинцу у васъ нѣтъ, и мы за вашу службу послали къ вамъ нашего жалованья 5,000 р. и впредь намъ, великому государю, служите, за христіанскую вѣру стойте крѣпко и мужественно. Хлѣбнаго же запасу, пороху, свинцу до вѣшной полой воды, зимнимъ путемъ, послать къ вамъ невозможно—это вы сами знаете и за то не оскорблялись бы. А что били вы намъ челомъ городомъ Азовомъ, то мы велѣли посланному къ вамъ дворянину нашему городъ Азовъ досмотрѣть, переписать и на чертежъ положить. Вы же, атаманы и казаки, своей славы и чести не теряйте, стойте по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государеву милость и жалованье будьте на-

дежны». Земскій соборъ высказался за принятіе Азова, видя въ немъ оплотъ противъ нападеній на Россію, но государь не согласился на это, какъ потому, что укрѣпленія Азова были разрушены, такъ и потому, что изъ-за этого предстояло неизбежное столкновение съ Турціей, а Россія далеко еще не оправилась отъ предыдущихъ неурядицъ и войнъ. Въ грамотѣ отъ апрѣля 1642 года государь писалъ казакамъ: «намъ нынѣ невозможно принять отъ васъ городъ и послать къ вамъ ратныхъ людей. Жалѣя же васъ, атамановъ и казаковъ, чтобы христіанская кровь не проливалась напрасно, мы повелѣваемъ вамъ городъ Азовъ покинуть и идти на свои старыя мѣста, гдѣ прежде жили, потому что вамъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ уже нельзя будетъ отсидѣться отъ множества турецкихъ и крымскихъ войскъ, которыя идутъ противъ васъ».

IV.

При такихъ условіяхъ жизни, о мирныхъ занятіяхъ среди казаковъ не могло быть и рѣчи. Даже въ концѣ XVII-го столѣтія, когда нѣкоторые переселенцы начали было заниматься земледѣліемъ, появилась войсковая грамота съ угрозою: «кто станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, того бить до смерти». Все вниманіе должно было быть обращено на войну, и казаки должны были быть въ постоянной готовности къ ней. Война была единственнымъ средствомъ существованія и добыванія зипуновъ,—кромѣ жалованья, которое, впрочемъ, мало обезпечивало казаковъ. Такъ, и Котошихинъ говоритъ по этому поводу: «а посылается къ нимъ на Донъ царское жалованье, денежное, не гораздо помногу и не всегда; а добываютъ тѣ казаки на Дону на всякихъ воинскихъ промыслахъ отъ турецкихъ людей, горою и водою, также и отъ персидскихъ людей, и отъ татаръ, и отъ калмыковъ, и что кто гдѣ на военномъ промыслу ни добудутъ, дѣлятъ всѣ межъ собою по частямъ, хотя кто и не былъ. Да къ нимъ же, донскимъ казакомъ, изъ Казани, и изъ Астрахани посылается хлѣбное жалованье, чѣмъ имъ можно сытымъ быть; а иные сами на себя промышляютъ» (стр. 152, изд. 1884 г.).

Среди постоянныхъ опасностей, въ которыхъ жило казачество, не могло быть мѣста и развитію семейной жизни. Жена была скорѣе помощницей мужа въ его боевой жизни, чѣмъ устроительницей домашняго очага. Такъ, и Соловьевъ, по вопросу о томъ, сколько было донскихъ казаковъ въ Азовѣ во время «Азовскаго сидѣнья», говоритъ: «казаковъ въ городѣ было 5,367 человекъ мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ въ защитѣ города» (т. 9, стр. 268, изд. 1874 г.).

При крайнемъ напряженіи жизни, полной тревогъ и опасностей, казаки принуждены были прибѣгать иногда и къ крайнимъ внутреннимъ мѣрамъ для своей охраны. Такими мѣрами была казнь воеводы Карамышева и турецкаго посла Өомы Кантакузена. Первая совершена въ 1630 г. Въ августъ этого года, на пути въ Царьградъ, прибыли въ Черкасскъ Кантакузенъ и съ нимъ русскій по-

солъ Совинъ и дьякъ Алфимовъ, съ которыми провожатымъ былъ воевода Карамышевъ; послѣдній привезъ войску Донскому опальную грамоту за нападенія на Турцію и Крымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, казаки получили изъ Москвы и Валуекъ вѣсти, что Карамышевъ самъ напросился на Донъ побивать и вѣшать казаковъ. Въ сентябрѣ того же года, казаки въ повинной своей, между прочимъ, писали: «по твоему государеву указу, мы съ азовцами помирились, твоихъ пословъ и турецкаго посла Оому до Азова проводили. Провожатый же тѣхъ пословъ Иванъ Карамышевъ пріѣхалъ къ намъ въ войско, сталъ угрожать намъ смертною казнію, говорилъ, что онъ будетъ насъ вѣшать и въ воду сажать, и всѣхъ кнутьями бить и ножами рѣзать. Мы нѣсколько разъ просили Карамышева, чтобы онъ показалъ намъ царскій указъ, или грамоту, по которой велѣно насъ казнить, а онъ отвѣчалъ намъ, что грамоты у него нѣтъ, и никакого наказа или государева указа намъ не объявилъ. Послѣ того Карамышевъ началъ ссылаться съ крымцами и ногайцами о томъ, чтобы насъ всѣхъ побить, разорить и искоренить, и городки наши безъ остатку пожечь такъ, чтобы вездѣ и по Дону, и по Запольшю даже имя казачье не именовалось. Но Богъ помиловалъ насъ, грѣшныхъ; Христосъ объявилъ намъ то злоумышленіе Ивана Карамышева, и мы отъ горести душъ своихъ, за великую неправду, его обезглавили. Какая же была государева казнь съ Иваномъ Карамышевымъ и его имѣніе, мы къ тому не прикасались, но, все переписавъ, взяли себѣ на руки твои послы. Теперь ты, государь, воленъ въ головахъ нашихъ, мы твоему государеву указу не сильники. Если мы тебѣ на Дону не годны и твоему російскому государству непріятны за то, что ходимъ на море, на крымскіе и ногайскіе улусы (если намъ не ходить, то и питаться нечѣмъ), то мы, государь, весь Донъ отъ низу до верху и рѣки запольныя до самыхъ указанныхъ городовъ все очистимъ, откроемъ крымскимъ и ногайскимъ людямъ, а сами, государь, съ Дону сойдемъ, если ты того пожелаешь». Посланные съ этою повинною казаки были заточены въ Москвѣ и другихъ городахъ, но въ 1633 году они допущены были къ государю и къ благословенію патріарха, пожалованы царскимъ жалованьемъ и посланы на службу подъ Смоленскъ, а на Донъ отправлены милостивая грамота и жалованье.

Кантакузена султанъ часто посылалъ въ Москву и онъ хорошо былъ извѣстенъ казакамъ. Въ концѣ 1636 года онъ прибылъ изъ Царьграда въ Черкасскъ и долженъ былъ зимовать тамъ. О казни его казаки доносили государю: «переговоря межъ собою, апрѣля въ 21 день, пошли мы подъ Азовъ, конные и судами, всѣ безъ wyboru, за то, что азовскіе люди на насъ умышляли, хотѣли насъ съ Дону перевести и рѣку Донъ очистить. Пришедши подъ городъ, стояли мы тамъ недѣли три и больше, между тѣмъ турецкій посолъ, Оома Кантакузенъ, узнавъ, что мы осадили Азовъ, отправилъ грамоты къ турецкому и крымскому царю, чтобы присылали ратныхъ людей на выручку къ Азову, и посылалъ отъ себя къ азовскимъ людямъ съ вѣстями. Посланный отъ него грекъ былъ нами схваченъ и съ пытки показалъ, что турецкій посолъ, вручивъ ему отписку, велѣлъ прокрасться въ Азовъ ночью и передать азовцамъ,

чтобы они немедленно писали крымскому царю о присылкѣ ратныхъ людей изъ Крыма, Темрюка и Тамана. Видя такое злоумышленіе къ себѣ и къ тебѣ, государь, и неправду турецкаго посла, мы порубили его вмѣстѣ съ находящимися при немъ людьми». Въ той же отпискѣ казаки доносили, что Азовъ ими взятъ. Черезъ два мѣсяца государь отвѣтилъ казакамъ: «Вы взяли Азовъ безъ нашего царскаго повелѣнья, турецкаго посла убили—это вы, атаманы и казаки, учинили не дѣломъ; нигдѣ не ведется, чтобы пословъ побивать; хотя и война бываетъ между государями, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлаютъ, для чего присланы». Предписывая затѣмъ прислать человѣкъ 15 или 20 «лучшихъ атамановъ»,—а не молодыхъ, каковыя были присланы,—чтобы «распросить обо всемъ доподлинно», и повелѣвая съѣздить за крымцами и ногайцами, государь заканчивалъ свою грамоту: «смотря по вашей службѣ и радѣнью, мы васъ пожалуемъ».

Казаки жили бѣдно. Этого они не скрывали даже и отъ враговъ своихъ, какъ старались скрыть все то, что въ глазахъ «бурсурманина» вредило бы казаку, какъ христіанину и какъ воину, напр., распри между сотоварищами, недостатокъ боевыхъ средствъ и проч. Когда, въ концѣ XVII стол., крымскій ханъ грозилъ казакамъ, что если они не возвратятъ взятыхъ въ плѣнъ крымцевъ, то онъ придетъ «съ несмѣтными силами» на Донъ и нападетъ на всѣ ихъ тридцать два городка,—казаки, между прочимъ, отвѣчали ему: «ты грозишь разорить наши жилища, но они не *корыстны* и надобно ихъ добыть твердо головами, стадъ же у насъ конскихъ и животныхъ мало; придется тебѣ только даромъ забиваться въ такой дальній путь».

Количество казаковъ въ войскѣ Донскомъ, особенно въ первое время его существованія, можетъ быть опредѣляемо только приблизительно,—тѣмъ болѣе, что въ постоянныхъ битвахъ оно часто мѣнялось и зависѣло какъ отъ убыли наличныхъ, такъ и отъ притока новыхъ силъ. Объ естественномъ приростѣ населенія, конечно, не могло быть и рѣчи.—При восшествіи на престолъ Михаила Оедоровича, казаки, прося государя пожаловать ихъ, вслѣдствіе перемирія съ турками, своимъ жалованьемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщали: «теперь же на Дону насъ, холопей твоихъ, 1888 человѣкъ».—Въ 1624 году, въ Москвѣ, донской атаманъ Старовъ говорилъ, что всѣхъ казаковъ на Дону, съ верхними городками, до 5,000 человѣкъ.—Во время «Азовскаго сидѣнья» ихъ было около того же числа. Въ 1696 году Донскіе казаки ходили съ Петромъ I-мъ подъ Азовъ и ихъ было болѣе 5,000 человѣкъ. Съ ними государь одержалъ свою первую морскую побѣду, разбивши турецкій флотъ на ихъ легкихъ стругахъ, такъ какъ тяжелыя галеры не могли пройти въ море, по мелководью устья Дона.

Изъ предыдущаго уже видно, какъ войско Донское относилось къ Россіи. Это были отношенія воиновъ къ своему государю и отечеству. Но съ особенною силою выразилось это въ тѣхъ дѣйствіяхъ казаковъ, которыя, въ видахъ избавленія Россіи отъ смутъ и охраны ея могущества, были направлены не на мусульманство, а на своихъ же собратьевъ по крови, по вѣрѣ, и даже по самому положе-

нію, въ какое ихъ поставила жизнь. Тутъ уже донцы руководились только чувствомъ долга.

Степанъ Разинъ былъ взятъ съ бою войскомъ же Донскимъ въ укрѣпленномъ Кагальницкомъ городкѣ, хотя оно же само удержало его отъ похода на Черное море, дабы не нарушать мира съ крымцами, и тогда только Разинъ бросился на Волгу и Каспійское море.

Въ августѣ 1705 г. въ Черкасскъ пріѣхали 5 человекъ астраханскихъ стрѣльцовъ съ письмами, въ которыхъ астраханцы, между прочимъ, писали: «насъ отлучаютъ отъ церкви и приказываютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье и курить табакъ... приказываютъ поклоняться кумирамъ... Дабы не умереть намъ въ смертномъ грѣхѣ, мы рѣшились виновныхъ въ нашемъ злополучіи предать смерти. Васъ же, войско Донское, просимъ стать вмѣстѣ съ нами за вѣру христіанскую и прислать къ намъ на вспоможеніе казаковъ своихъ». Выслушавъ въ войсковомъ кругу это письмо, казаки отвѣтили: «никогда мы къ такому дѣлу не пристанемъ и приставать не будемъ, потому что мы великому государю служимъ всегда вѣрно и неизмѣнно, а за заговорщиковъ и измѣнниковъ никогда не стоимъ». Отославъ присланныхъ съ письмами въ Москву, казаки, собравшись наскоро въ количествѣ до 10,000 человекъ, бросились къ Астрахани и отбили приступъ къ этому городу возмущившихся стрѣльцовъ.

Булавинъ застрѣлился, потому что казаки окружили его домъ съ цѣлю взять его и предать правительству, хотя Булавинъ напалъ на князя Долгорукова съ его отрядомъ и уничтожилъ ихъ вслѣдствіе жестокостей, которыми ознаменовалъ себя этотъ посланецъ «для сыска бѣглыхъ» на Дону. Соучастникъ Булавина, Некрасовъ, не только не нашелъ убѣжища среди казаковъ на Дону и вынужденъ былъ бѣжать въ Турцію, но и въ народныхъ казацкихъ пѣсняхъ названъ измѣнникомъ.

Подчиняясь приказаніямъ правительства, войско Донское не давало у себя убѣжища и раскольникамъ, вслѣдствіе чего они, перебѣгая на Кавказъ, становились злѣйшими врагами донцовъ.

Какъ только были получены извѣстія о бунтѣ Пугачева, на другой же день посланы были по войску грамоты, въ которыхъ относительно Пугачева приказывалось: «никакимъ о немъ слухамъ не внимать, а стараться разбить его, искоренить и прахъ истребить со всею его сволочною толпою... и чтобы тѣмъ исполнить законъ божій, соблюсти вѣрноподданническую ея императорскому величеству и отечеству должность, спасти отъ разоренія донское благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей донской вѣрной за службу славы». Шайки Пугачева, вторгшіяся въ предѣлы войска, были всѣ три разбиты казаками, которыми было нанесено также и самому Пугачеву первое пораженіе подъ Царицынымъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ правительственными войсками, казаки участвовали въ окончательномъ пораженіи Пугачева у Чернаго Яра. Донскими же казаками Пугачевъ былъ настигнутъ у Яицка и взятъ изъ рукъ сообщниковъ его.

Неуклонное исполненіе донцами требованій государственности,

о чемъ свидѣлствуютъ указанные случаи, не обусловливалось ли, кромѣ преданности отечеству, еще и тѣмъ, что, находясь постоянно въ борьбѣ съ врагами, между жизнью и смертью, казаки ясно сознавали, что такая борьба возможна только при наличности крѣпкихъ, безъ всякой «шатости», государственныхъ порядковъ на родинѣ, на которую только они и опирались въ своей трудной жизни?

Съ своей стороны и правительство, конечно, не могло относиться къ казакамъ недоброжелательно, но только высказывать это открыто оно не рѣшалось: Турція была еще черезчуръ могущественна. Съ послами, которые въ Царьградѣ ѣздили всегда Донъ, правительство посылало казакамъ грамоты и жалованье, но это должно было держаться въ тайнѣ, въ Царьградѣ же турецкому правительству, заявлявшему жалобы на казаковъ, послы обыкновенно говорили: «вѣдомо вамъ самимъ, что воры, донскіе казаки, отъ московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевымъ обычаемъ, переѣзжая по рѣкамъ, а не городовымъ житьемъ». Въ такомъ смыслѣ отвѣты приходилось давать каждому посольству, потому что каждый разъ турки жаловались на казаковъ, какъ напр., въ 1632 году, говоря, что отъ нихъ нѣтъ житья по всему анатолійскому берегу, куда они приходятъ каждый годъ, города берутъ, села и деревни жгутъ.—Турки, конечно, хорошо знали, что правительство присылаетъ казакамъ жалованье (свинецъ, селитру и проч.): въ тайнѣ удержать этого было нельзя. И вотъ правительство наше наказывало посламъ своимъ говорить въ Царьградѣ, что жалованья-де прислано немного и притомъ для цѣлей, не враждебныхъ Турціи, а, напр., за то, что казаки не ходили тогда-то воевать на Черное море, или что они провожали пословъ русскихъ и турецкихъ и проч. Но, кромѣ жалованья, казакамъ присылались иногда и знамена. Этого уже никакъ нельзя было истолковать въ пользу Турціи: знамена присылались съ одною цѣлью—ходить съ ними на враговъ. Поэтому, напр., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда казаки получили первое знамя, посламъ данъ былъ наказъ говорить въ Царьградѣ: «знамени государь къ нимъ никогда не посылывалъ; это кто-то сказалъ, чтобы насъ поссорить». Турки, разумеется, отлично понимали, въ чемъ дѣло; но они, какъ видно, становились втупикъ предъ однимъ доводомъ нашего правительства: пусть-де султанъ хоть всѣхъ казаковъ истребитъ—«намъ стоять за нихъ не за что». Турки по опыту («Азовское сидѣнья» и проч.) знали, что значить истреблять казаковъ. Вѣдомо имъ было также, что на Донѣ казачья сила стоитъ выше силы турецкой. Такъ, еще въ 1592 году, когда посолъ Нащокинъ, проѣзжая въ Константинополь, потребовалъ, чтобы казаки заключили миръ съ азовцами, казаки отвѣтили: «прежде сего, для переговоровъ о мирѣ присылали къ намъ первые азовцы и намъ нынѣ, противъ прежнихъ обычаевъ, самимъ первымъ говорить о мирѣ—не пригоже». Сказать, что они не могутъ истребить казаковъ—турки не рѣшались: это значило бы сознаться въ своемъ безсиліи. И они умолкали,—принимали отъ пословъ въ подарки соболей и на томъ обыкновенно заканчивали разговоры о казакахъ.

Но чтобы лучше уяснить прошлую жизнь донскаго казачества и отношеніе его къ своему отечеству, мы приведемъ здѣсь цѣликомъ грамоту отъ 18 марта 1614 г., данную войску Донскому. Грамота эта—подробнѣе другихъ и относится къ очень важнымъ, особенно для характеристики казачества, историческимъ событіямъ—ко времени самозванщины. Въ такихъ документахъ слышится какъ бы живая рѣчь, современная описываемымъ событіямъ и исходящая притомъ же отъ самого государя, который имѣлъ о тѣхъ событіяхъ, конечно, наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія: «Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссиі, на Донъ, въ нижніе и въ верхніе юрты, атаманамъ: Смагѣ Степанову, да Епихѣ Радилову и всѣмъ атаманамъ и казакамъ донскимъ, низовымъ и верховымъ. Писали къ намъ, великому государю, посланники наши: Соловой Протасьевъ, да дьякъ Михайло Даниловъ, съ Исаемъ Протасьевымъ, да съ атаманомъ съ Игнатѣемъ Бедрищевымъ: какъ-де они, посланники наши, пришли къ вамъ въ нижніе юрты, и вы, атаманы и казаки всѣхъ нижнихъ юртовъ, слыша про нихъ, для нашего царскаго имени встрѣтили ихъ во всемъ честно и нашу грамоту, какова къ вамъ съ ними послана, и наше царское жалованье, сукна и селитру, и зелье, и свинець, и запасы радостно приняли, и нашему царскому имени обрадовались, и общались намъ, великому государю, служить и прямить во всемъ, какъ и прежнимъ великимъ государямъ, царямъ російскимъ, предкамъ нашимъ, служили и прямили; а въ Астрахань ко всякимъ жилацкимъ людямъ отъ себя писали, что вы всѣ единодушно общались служить намъ, великому государю, а ихъ вы воровскимъ грамотамъ ни въ чемъ не вѣрите и впредь вѣрить и къ нимъ приставати не хотите; и по нашему указу, съ азовскими людьми учинились мирны, до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ наши посланники назадъ изъ Царягорода придуть и во всемъ-де вы намъ, великому государю, хотите служить единодушно и во всемъ нашемъ царскомъ повелѣннѣ быти до кончины живота своего; а какъ они, посланники наши, пошли къ Азову и вы, атаманы и казаки, и все войско ихъ провожали съ великимъ же радѣньемъ до азовскія встрѣчи, гдѣ ихъ встрѣтили азовскіе приказные люди, говорили посланникомъ нашимъ: только мы, великій государь, пошлемъ бояръ и воеводъ нашихъ подѣ Астрахань, на измѣнниковъ нашихъ и на воровъ на Ивашку Заруцкаго съ товарищи, и вы всѣ съ бояры нашими и воеводы идти подѣ Астрахань готовы; а вы, атаманы и казаки, къ намъ, великому государю, съ Игнатѣемъ же Бедрищевымъ писали, что вы всѣ нашему царскому имени обрадовались и нашу грамоту и жалованье, что къ вамъ послано, съ радостью приняли и о нашемъ царскомъ многолѣтномъ здравьѣ пѣли молебны и изъ наряду и изъ мелкаго оружья стрѣляли и служить намъ, великому государю, рады во всемъ вседушно и во всей нашей царской волѣ быти готовы до скончанія живота своего, а къ воровскимъ ни къ какимъ статьямъ приставать не хотите, и къ своей братѣ къ атаманомъ и къ казакомъ къ волжскимъ, и къ терскимъ, и къ яицкимъ, отпишите, чтобъ они, боясь Бога, держались во всемъ правды и воровскому Маринкину сыну и Ивашки Заруцкаго заводу ни въ чемъ не вѣрили, и отъ нашія царскія милости были неотступны, служили намъ, великому государю, съ вами вмѣстѣ; и съ азовцы вы, по нашему указу, учинились мирны до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ посланники наши назадъ изъ Царягорода будутъ; а намъ бы, великому государю васъ пожаловати, прислати къ вамъ наше царское жалованье, деньги и сукна, и за-

пасъ, и сѣру, и селитру, и свинець, чѣмъ вамъ въ нынѣшнее время, пока-мѣстъ вы съ азовцы мирны, покормитесь и одѣтися. И мы, великій государь, слыша ваше атаманское и казачье и всего нашего войска къ намъ, великому государю, службу и радѣнье и прямое во всемъ общанье, васъ, атамановъ и казаковъ, и все наше войско похваляемъ, что вы, помня Бога, и души свои, и прежнихъ великихъ государей, царей россійскихъ, предковъ нашихъ, къ себѣ ихъ царское жалованье и свою къ нимъ, великимъ государемъ, службу, о нашей истинной православной хрестыанской вѣрѣ греческаго закона и о нашемъ царскомъ многолѣтнемъ здоровѣ радѣете и въ нашемъ царскомъ повелѣннѣ живете, и воровъ отъ воровства и крестьянскаго кроворазлитья унимаете, а ни къ какому дурну и крестьянскому кроворозлитю не приставайте и впередъ о томъ не мыслите, и съ нашими ратьми на нашихъ измѣнниковъ стояти хотите: и впередъ мы, великій государь, хотимъ васъ, атамановъ и казаковъ, и все наше войско держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованнѣ и въ призрѣннѣ свыше прежняго; а что есте писали къ вамъ о нашемъ жалованнѣ, чтобъ намъ васъ пожаловати, прислати къ намъ нашего жалованья, денегъ и суконъ, и запасу, чѣмъ вамъ въ нынѣшнее время, покамѣстъ вы съ азовцы мирны, прокормитесь и одѣтися, и мы, великій государь, видя вашу къ Богу правду и къ намъ, великому государю службу и истинное радѣнье и послушанье васъ, атамановъ и казаковъ и все ваше войско пожаловали, наше жалованье, и деньги, и сукна, и селитру, и запасъ, и вино къ вамъ посылаемъ; и напередъ сего съ посланники нашими, которые посланы къ брату нашему, къ великому государю, къ Ахматъ-салтану турецкому, съ Соловымъ-Протасьевымъ, да съ дьякомъ съ Михайломъ Даниловымъ, наше жалованье къ вамъ,—сукна и запасъ, и вино, и селитра, и сѣра, и свинець,—къ вамъ прислано, что у насъ, великаго государя, въ то время лучилось; да послѣ того съ Елчаниномъ съ Ильею Фроловымъ, да съ атаманы вашими, съ Ондреемъ Репчуковымъ съ товарищи, послано къ вамъ же нашего жалованья пятнадцать пудъ селитры, и сѣры, и свинцу противъ того жъ, да сукна настрафилю и еренки противъ Соловаго посланки вполы.—И вы бѣ, атаманы и казаки, и все ваше войско, нижнихъ и верхнихъ юртовъ и запольныхъ рѣчекъ, видя къ себѣ нашу царскую милость и жалованье и призрѣнье, намъ, великому государю, служили и прямили, и радѣли, какъ есте начали, такъ бы есте и совершали, намъ, великому государю, служили и прямили, по нашему царскому велѣнью и по своему общанью, и съ азовцы до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ посланники наши Соловой-Протасьевъ съ товарищи изъ Царьгорода къ вамъ въ юрты на Донъ придуть, жили смирно и съ ними не воевались и задоровъ никакихъ не чинили... И какъ бояринъ нашъ и воевода князь Иванъ Никитичъ да окольнічій нашъ Семенъ Васплевичъ Головинъ съ товарищи на нашихъ измѣнниковъ подъ Астрахань пойдуть и къ вамъ отъ себя отпишуть, и вы бѣ, атаманы и казаки, и все войско намъ, великому государю, служили, какъ есте къ намъ прежъ сего въ своей грамотѣ писали, шли на нашихъ измѣнниковъ подъ Астрахань, съ нашими бояры и воеводы вмѣстѣ, и намъ, великому государю, служили и надъ измѣнники нашими промышляли, сколько милосердый Богъ помочи подастъ, чтобъ вашею прямою къ намъ службою, и промысломъ, и радѣньемъ наша отчина астраханское государство очистити и привести въ соединенье всѣхъ православныхъ крестьянъ всего нашего россійскаго царствія, и чтобъ наша истинная православная хрестыанская вѣра греческаго закона во всемъ нашемъ царствіи сіяла аки солнце, а на-

шего бѣ государства всякіе люди были межъ себя въ братской любви и въ совѣтѣхъ подѣ нашею царскою высокою рукой, въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденствіи по прежнему, и недруги бы наши, видя въ нашихъ государствахъ миръ, и покой, и тишину, и соединеніе, оттого страшны были и безнадёжны; а на Волгу бѣ есте, и на Яикъ, и на Терекъ, и по инымъ рѣчкамъ, къ атаманомъ и къ казакомъ отъ себя писали и посылали, чтобъ они, помня Бога и души свои, и нашу истинную православную хрестіанскую вѣру греческаго закона, и прежнихъ великихъ государей царей россійскихъ, предковъ нашихъ, къ себѣ ихъ царское милостивое жалованье и свою къ нимъ, великимъ государямъ, службу и правду, и видя нашу царскую милость и жалованье ко всѣмъ нашимъ подданнымъ, кто намъ, великому государю, станетъ служить, нынѣ намъ, великому государю, по тому же съ вами вмѣстѣ служили и прямили, и на астраханскихъ воровъ, на Ивашку Заруцкаго съ товарищи, съ нашими бояры и воеводы, и съ ратными людьми шли вмѣстѣ... Да вы жѣ писали къ намъ съ атаманомъ съ Игнатѣемъ Бедрищевымъ, чтобъ намъ васъ пожаловать, прислать къ вамъ наше царское жалованье, знамя, съ чѣмъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить: и мы васъ пожаловали, послали къ вамъ наше жалованье, наше царское знамя, съ атаманомъ съ Игнатѣемъ же Бедрищевымъ; и вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить...

Сношенія съ войскомъ Донскимъ,—какъ вообще иноземныя сношенія,—вѣдались посольскимъ приказомъ. И Котошихинъ говоритъ: «а какъ они (донскіе казаки) къ Москвѣ пріѣзжаютъ, и имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ нарочитымъ людямъ» (152). Но это, конечно, не мѣшало, если они навлекали гнѣвъ государя, поступать съ ними, какъ съ подданными: подвергать, напр., заточенію, но, однако же, не позорящимъ наказаніямъ. И сами казаки не отрицали этого порядка, посылая повинныя государю, называя себя его «холопами», а Донъ—вотчиной его. Притомъ же и правительство, указывая на посольскій приказъ и донскихъ казаковъ, имѣло возможность о послѣднихъ лишній разъ сказать туркамъ: они-де не наши.

Выше было уже сказано, что казаки несли службу и внѣ предѣловъ войска, вмѣстѣ съ правительственными войсками. Съ начала XVIII-го столѣтія, эта служба усиливается, перевѣсивая собою службу внутри войска, чѣмъ и пользовались не только татары, черкесы и пр., но даже и калмыки для нападенія на жилища казаковъ. Въ XVII-мъ столѣтіи, напр., въ 1678 г., въ чигиринскомъ походѣ князя Ромодановскаго участвуетъ только 2,000 казаковъ; затѣмъ въ походѣ на Украину — 3000; съ первыхъ же годовъ XVIII-го столѣтія числа эти представляются уже въ такомъ видѣ. Въ 1708 г. внѣ войска служило 15,000 казаковъ, въ 1737 г. — 12,000, въ 1738 — всѣ служилые казаки, число которыхъ доходило до 15,000; въ семилѣтней войнѣ ихъ было 16,000 и затѣмъ во время конфедератской и турецкой войнъ число это увеличилось до 20,000, въ 1772 г. — 10,000, а послѣ того, въ 1770-хъ же годахъ — 22,000 было за Дунаемъ, а остальные бились за Кубанью и противъ Пугачева, такъ что на Дону оставались только старики, раненые да малютки.

Въ январѣ 1801 года въ «секретную экспедицію» (въ Индію)

выступило экстренно, въ теченіе шести дней, 22,507 казаковъ — всѣ поголовно, такъ что «станицы остались безъ писарей, а церкви безъ чтецовъ». Въ 1805—7 годахъ, 13 донскихъ полковъ находилось за границей, а въ 1812 г. послѣдовало опять поголовное ополченіе: выступили всѣ отъ 15 до 60-ти-лѣтняго возраста, въ количествѣ до 60,000 человекъ, которые взяли у непріятели 30 знаменъ, 546 пушекъ и до 70,000 плѣнныхъ. — Съ начала XIX-го столѣтія, войско Донское непрерывно несло службу въ Польшѣ, Бессарабіи, Финляндіи и на Кавказѣ, гдѣ, до покоренія его, перебывало не менѣе 226,000 донцовъ. Въ разгаръ восточной войны, въ 1855 году, Донъ еще разъ поголовно ополчился, выставивъ 87 полковъ. Всѣ эти службы войска Донскаго оцѣнены государями въ ихъ грамотахъ и другихъ пожалованіяхъ. Посылая на Донъ знамя за войну 1812—14 годовъ, государь въ грамотѣ своей, между прочимъ, сказалъ: «только знаменитые заслуги и подвиги Донскаго войска нашего, коими ознаменовало оно себя подѣ начальствомъ намъ вѣрностью преданнаго войскового атамана, графа Платова, въ компанію 1812 г., и болѣе въ продолженіе войны во многихъ битвахъ, съ изданія манифеста 13 апрѣля 1813 г. до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагаютъ на насъ долгъ предѣ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать и повторить изъявленные въ помянутомъ манифестѣ справедливую нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ памяти потомковъ».

Военную службу на Дону и теперь несетъ каждый казакъ безъ исключенія. До 1863 года служба эта была 25-тилѣтняя. Казаки возвращались домой «на побывку», и такимъ образомъ служба каждаго изъ нихъ прекращалась только съ наступленіемъ старости. Особенно въ это тяжелое время не только вся домашность, но нерѣдко и полевое хозяйство, при раздробленности семействъ на Дону, оставались, по уходѣ мужей на службу, главнымъ образомъ на плечахъ ихъ женъ, и притомъ хозяйство, ослабленное снаряженіемъ на службу. Заслуги донской женщины въ этомъ отношеніи забываются.

Въ 1863 году 25-тилѣтній срокъ службы былъ измѣненъ на 15-тилѣтній, въ «облегченіе трудной службы донскихъ казаковъ и для предоставленія имъ болѣе способовъ къ улучшенію домашняго быта», какъ сказано въ грамотѣ войску Донскому отъ 8 сентября 1863 г.

V.

Заканчивая обзоръ прошлой жизни донскаго казачества, слѣдуетъ признать, что оно, на общемъ фонѣ нашей исторіи, являлось крѣпкой обороной Россіи противъ дикихъ степныхъ ордъ. Сломить главную силу послѣднихъ оно не имѣло бы средствъ и это сдѣлала уже вся Россія: сначала на Куликовомъ полѣ, а затѣмъ подѣ стѣнами Казани и Астрахани. Послѣ того, Суворовъ въ Прикавказьѣ, а Черняевъ и Скобелевъ — въ самыхъ очагахъ этихъ ордъ нанесли имъ окончательное пораженіе; но пути къ этому были уже

подготовлены казачествомъ. Сначала же эти орды, хотя и разбитыя при Іоаннѣ Грозномъ на части, были еще могущественны и опасны, особенно при поддержкѣ и участіи Турціи. Сдерживая ихъ, казачество не только дало возможность Россіи, — какъ говоритъ Котошихинъ, — удержать за собою царства казанское и астраханское, но оно также помогло своему отечеству оправиться, собраться съ силами и удѣлить должное вниманіе дѣламъ на нашихъ западныхъ границахъ. Болѣе двухъ вѣковъ длилась эта неустанная борьба съ врагомъ, стоявшимъ въ непосредственной близости къ казакамъ. Вотъ эта-то борьба, этотъ боевой огонь и были тою жизненною атмосферою, которою жило казачество въ первоначальномъ его видѣ, какъ отдѣльная боевая община, имѣвшая и свое особое управленіе, и — отчасти даже — свою территорію. Въ такихъ же условіяхъ жило и Запорожье, а также и Черногорія, юначество которой — тоже, что русское казачество. И вотъ, когда, въ концѣ XVIII-го столѣтія, Донъ вошелъ въ общегосударственныя границы, перешагнувшія предѣлы его и упершіяся въ кавказскія горы, и когда, — особенно съ присоединеніемъ Крыма и Азова, — вражескіе рубежи отодвинуты были далеко отъ Дона, — устранилось само собою отдѣльное, независимое существованіе донцовъ. Прекратилась непрерывная борьба; не было уже надобности и въ непрерывномъ напряженіи силъ для поддержанія ея. Донъ сдѣлался составною частью государства и самъ сталъ подъ охрану государственной власти.

Но жизнь народа, какъ и отдѣльныхъ его частей, не перестраивается сразу. Минуло уже столѣтіе съ того времени, какъ погасли навсегда сигнальные огни, возвѣщавшіе о набѣгѣ враговъ, и замолкли пушки на бастіонахъ Черкаска, а основы жизни донскаго казачества и до сего времени остаются тѣ же. Также какъ и прежде, военную службу несетъ каждый казакъ и притомъ «снаряжается», т. е. пріобрѣтаетъ коня, обмундированіе, сбрую и вооруженіе на свой счетъ. Неимущимъ помогаютъ изъ станичныхъ и войсковыхъ суммъ, но затраты эти взыскиваются съ нихъ же. Такимъ образомъ, порядокъ, изъ котораго прежде, какъ естественное слѣдствіе, вытекало «добываніе зипуновъ», сохранился и теперь въ полной неприкосновенности, хотя зипуновъ уже добывать не надо. Что этотъ порядокъ стоитъ въ противорѣчій съ современными условіями жизни народовъ и самой войны — объ этомъ распространяться едва ли нужно. Результаты получаются неблагоприятные, какъ для казаковъ, такъ — думается намъ — и для самаго государства. Какъ и прежде, всѣ силы казачества обращены на военную службу и на снаряженіе къ ней; мирныя же занятія находятся въ упадкѣ, и относительно ихъ казаки не имѣютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаній, ни опытности, ни матеріальныхъ средствъ. На Донѣ расположены лучшія залежи каменнаго угля и антрацита, но разработка ихъ находится не въ донскихъ рукахъ. То же и съ желѣзомъ. Судостроеніе по Донѣ только въ незначительной части принадлежитъ казакамъ. Земледѣліе ведется такими же способами, какъ во времена Рюрика; а между тѣмъ это — главная, да, можно сказать, и единственная основа для благосостоянія края. Отмѣните

законъ о неотчуждаемости общественныхъ земель, и Донъ чрезъ нѣсколько лѣтъ станетъ сплошнымъ пролетаріатомъ. Отсюда уже ясны экономическая неустойчивость и бѣдность казаковъ. Но помимо того, по закону 1835 года, на каждаго казака полагалось по 30 десятинъ земли, теперь же изъ этого количества въ среднемъ выводѣ приходится, если не ошибаемся, около половины, и земля истощена, а требованія отъ военной службы много повышены. Казаку необходимо отъ 250 до 300 р., чтобы отправиться на службу, но это только первая затрата, а затѣмъ, во все время продолженія службы, онъ долженъ быть въ постоянной готовности къ ней. Донцы изъ всѣхъ силъ старались и стараются быть исправными, чтобы поддержать этотъ порядокъ, который напоминаетъ имъ столь славное прошлое, но, очевидно, это уже становится имъ не подъ силу. Бѣдность ихъ доходитъ до того, что они оставляютъ уже свой Донъ и пересѣляются въ отдаленную Сибирь, а нѣкоторые даже переходятъ въ податное сословіе—въ мѣщане. Еще въ недалекомъ прошломъ,—лѣтъ 30—40 тому назадъ,—каждый казакъ счелъ бы предложеніе объ этомъ за оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что и самыя промышленныя и торговыя занятія обрѣтались у нихъ не въ почетѣ. Это уже особенность военной среды. То же мы видимъ и у черногорцевъ, которые только недавно начали заниматься, напр., такимъ необходимымъ ремесломъ, какъ шитье сапогъ, да и то послѣ того, какъ князь пригрозилъ имъ, что иначе самъ сядетъ за это дѣло.

Казаки должны бы были лучшею конницею: они вырастаютъ въ боевыхъ преданіяхъ, съ дѣтства приучаются владѣть конемъ и оружіемъ, а между тѣмъ положеніе донской конницы въ арміи совсѣмъ другое. Даже самое названіе: «*иррегулярная кавалерія*»—даетъ представленіе о такой боевой части, которая не соотвѣтствуетъ правильному устройству войска и занимаетъ низшее положеніе, между тѣмъ и приведенныя нами выше краткія свѣдѣнія изъ прошлой жизни войска Донскаго, кажется, достаточно указываютъ, что оно исполняетъ свой долгъ вполне *регулярно* и доблести своей еще не утратило. Понятіе «иррегулярности» скорѣе всего можетъ быть относимо къ самому порядку отбыванія военной повинности на Дону: столь важное государственное дѣло находится въ зависимости отъ исправности частныхъ лицъ. Такъ, иногда, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ, можно не досчитаться полковъ, которые значатся готовыми лишь на бумагѣ. Не надежнѣй ли было бы передать это дѣло въ руки областной власти, военной ли только, или совмѣстно съ земскою?—Это уже вопросъ пракческаго примѣненія общаго правила. Такой власти удобнѣй было бы, чѣмъ каждому казаку или станичному обществу въ отдѣльности, принимать мѣры къ своевременной закупкѣ лошадей, причемъ устранилось бы то опустошеніе въ благосостояніи казаковъ, которое производится браковками—иногда около $\frac{1}{10}$ части и болѣе лошадей при приемѣ въ полки и обязательствомъ замѣнить ихъ другими, такъ что изъ тысячи казачьихъ семействъ цѣлая сотня оказывается почти, если не совсѣмъ, разоренною.

Донская конница обходится государству дешево, въ смыслѣ не-

значительности денежных затратъ на нее изъ общегосударственнаго бюджета, но такая дешевизна въ сущности можетъ стоить очень дорого: истощается цѣлая область государства не только экономически, но и духовно — въ смыслѣ отсутствія знаній и умѣнья прилагать ихъ къ жизни, и при всемъ томъ не получается такой боевой силы, которая въ глазахъ всѣхъ занимала бы подобающее положеніе.

Войско Донское своею прошлою жизнью доказало, что оно умѣло справляться, не смотря на всякаго рода затрудненія, съ вопросами первостепенной государственной важности и рѣшало ихъ неуклонно въ духѣ государственности своего отечества. И съ теперешними затрудненіями оно съумѣетъ справиться. Недовѣріе, которое выказывается нѣкоторыми къ мѣстнымъ силамъ войска для вершенія своихъ дѣлъ, можетъ быть объяснено только недостаточнымъ знакомствомъ съ Дономъ, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 25 лѣтъ, если и бывали тамъ болѣе или менѣе крупныя злоупотребленія и удавалось разоблачить ихъ, то послѣднее дѣлалось руками донскихъ же уроженцевъ. Ближе всего и достоинства существующихъ порядковъ, и недостатки ихъ касаются самихъ же донцовъ, которымъ лучше извѣстны и средства для борьбы съ этими недостатками.

Что дѣлать войску Донскому теперь, какія задачи предстоятъ ему?—это указано было еще Царемъ-Освободителемъ въ рѣчи, обращенной къ депутатамъ всѣхъ казачьихъ войскъ. «Я желаю,—сказалъ государь, — чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе. Твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было, сколько возможно, согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія; казачье населеніе, отбывая попрежнему свою военную обязанность, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой *главной* цѣли должны клониться ваши труды и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ея».

Какъ сдѣлать это, какія средства подыскать для осуществленія указанной цѣли—рѣшить это правильно, соотвѣтственно жизненнымъ потребностямъ, могутъ наиболѣе успѣшно сами же казаки, какъ это и упомянуто въ рѣчи государя, потому что все, сюда относящееся, они хорошо знаютъ, переживши на себѣ. Только такъ и могутъ быть согласованы требованія современности съ нравами и обычаями населенія, съ преданіями и завѣтами родной старины, которые всегда дороги народу.

А. Дукмасовъ.

